

А
Николай Болдырев

Пьяная мысль

Кантемир. Белинский. Добролюбов. Писарев. Гончаров: Биограф. повествования / Сост., общ. ред. и послесл. Н.Ф. Болдырева.-- Челябинск: "Урал", 1997.-- (Жизнь замечательных людей. Биографическая библиотека Ф. Павленкова; Т. 20).

[OCR Бычков М. Н.](#)

"Чтобы *изобразить* человека, надо *полюбить* его -- узнать. Грибоедов любил Фамусова, уверен, что временами больше, чем Чацкого. Гоголь любил Хлестакова и Чичикова -- особенно. Пришли Белинские и сказали, что Грибоедов и Гоголь "осмеяли"... Отсюда -- начало порчи русского сознания -- языка, подлинной морали, религиозного сознания, понятия об искусстве, вплоть до *мелочи* -- полного убийства вкуса".

А. Блок

1

Как видим, Ю. Айхенвальд отнюдь не одинок в своей резкой оценке писаний и стиля жизни "неистового Виссариона". Сжатая, как пружина, характеристика Блока подобна удару самурайского меча - столь она сокрушительна. Порча русского сознания, религиозного сознания -- какая вина может быть больше этой? И сказано это на таком пределе боли, в записных книжках, для себя... Но, впрочем, что удивительного, если Блок к тому времени уже знал результат всего этого тщеславно-горделивого кипения умов... Ведь Белинский -- символ целой когорты, целого направления, некоего типа мышления. Ведь Блок так и пишет -- "пришли Белинские", значит, нечто вроде ментального вируса ворвалось в русское пространство.

Русская мысль, не имевшая основательной и долговременной культурной оснастки, отвязавши себя от православной философской традиции, пустилась в загул самочинного, эйфорически себя возбуждающего "кипенья". Услаждения себя свободой слова. Страсть к "переоценке всех ценностей" охватила чуть ли не каждого гимназиста. Едва ли не каждый гимназист мечтал о славе Белинского и Писарева. Что уж говорить, если Флорентий Павленков и его окружение смотрели на Дмитрия Ивановича буквально как на *божество* (читайте "кочетки" об авторах в этом же томе)!

Что за этим стояло? Быть может, опьяненность анархической свободой словоизверженья, демонической смелостью сокрушения авторитетов; быть может, опьяненность от тайной догадки, что именно сознание, внутренние его установки творят реальную жизнь; следовательно, манипулируя словами, позволив себе полную дерзость (а уж чего-чего, а дерзости у шестидесятников хватало!), можно управлять общественными процессами...

Да, конечно же, за всей этой опьяненностью "идеалами", "прогрессом", "знанием" стояла опьяненность от острого запаха едва ли не идущей в руки власти. Именно *воля к власти* делала шестидесятников столь страстными, столь жесткими, столь умственно-пьяными.

Русская литература и культура -- цветок, выросший меж бездн, поскольку устойчивой культурной почвы в России не было. Культура, в европейском смысле этого слова, в России всегда была некой роскошью, окруженной морем нищеты и достаточно равнодушного к "миру сему" произрастания. И когда, с конца XVIII века, образовалась внезапная "культурная щель", в жизнь вошло сословие вольных людей, обладающих свободным временем и возможностью культурной ассимиляции европейского опыта, -- мгновенно вырос чудный цветок, в 150 лет преобразивший самосознание нации. Однако цветок этот столь не укоренен был в грубой черноземной стихии русской жизни, что своим бытием лишь подчеркивал безнадежную пропасть между русским "словом" и русским "делом". Русская литература двигалась в своих собственных, аристократических ритмах. И вот однажды, и вероятнее всего случилось это именно в шестидесятые годы, произошел роковой разрыв внутри самого "слова"... Писатели и критики возомнили себя пророками и духовными вождями нации, вместо того, чтобы отдать "Богу Богово, а кесарю